

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821 (091)

О. А. Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет

«Свое» и «чужое» в «Похождении прапорщика Климова»: двойственный взгляд мемуариста

Рассматривается текст мемуаров А. Я. Климова с точки зрения роли в организации его повествовательной структуры оппозиции «свое – чужое». Обращается особое внимание на жанровую специфику текста и обусловленную поэтикой жанра «двойственную» позицию автора. Автобиографические записки, созданные Климовым, фиксируют «двойное зрение» мемуариста: временная дистанцированность, ретроспективный рефлексивный взгляд в собственное прошлое усиливают позицию автора мемуаров. Особенность повествования в «Похождении прапорщика Климова» анализируется в контексте русской мемуарной традиции XVIII в. Существенным отличием, выделяющим «Похождение прапорщика Климова» из целого ряда мемуарных произведений XVIII в., авторы которых тоже описывают иные земли и нравы, является то, что в этом тексте отражен не взгляд туриста, добровольно путешествующего, но взгляд человека, вынужденного жить по тем обычаям, которые он описывает, человека, для которого чужие обычаи по необходимости стали «обыкновением», но который, тем не менее, не перестает воспринимать их как чужие.

Ключевые слова: мемуары, автор, повествование, жизнеописание.

Большую часть мемуаров Алексея Яковлевича Климова (название «Похождение прапорщика Климова» было дано его запискам Г. Р. Державиным) составляет описание пребывания его в немецкоязычных европейских странах – сначала в Пруссии, а затем в Австрии. Но оказался автор «Похождения» там не по своей воле. XVIII век в русской истории насыщен войнами внешними и внутренними (Северная война, русско-турецкие войны, Семилетняя война с Пруссией, восстание под предводительством Е. Пугачева и т. п.), которые не только определяли судьбы империй, но и трагически вмешивались в жизни отдельных людей. Участник Семилетней войны, на которую он отправился в 1758 г. в девятнадцатилетнем возрасте, Климов, как и весь его отряд, в 1759 г. оказывается в прусском плену по причине того, что «капитан, не опасаясь нападения прусского <...> не почел взять предосторожность» [Похождение..., 2011, с. 36]¹. Почти год русских пленных продержали в Кюстрине, где «рассажены были по 20 и по 30 человек по ка-

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

Фарафонова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; oxana.faroks@yandex.ru)

Сибирский филологический журнал. 2014. № 4
© О. А. Фарафонова, 2014

зармам. Приставлен был караул с запрещением, чтоб ни единого не выпускать ни за двери, единственно для того, чтоб принудить к воинской службе» (с. 40–41). Однако в 1760 г., «не взирая на упорство» в нежелании «служить королю прусскому», около пяти тысяч русских пленных, как пишет Климов, «взяли <...> и, обмундировав, разбили по разным полкам» (с. 42), заставив служить прусской короне.

Когда в «762-м году сделалось замирение, мы все с радостью ожидали размены», – пишет далее Климов (с. 43). Однако обмена пленными не последовало, поскольку «при размене все <...> показаны были умершими, а вместо того заплачено за нас деньгами», – с горечью указывает автор «Похождения» (с. 43–44). Прусским властям оказалось проще и выгоднее заплатить компенсацию за якобы умерших пленных, чем сократить численность своей изрядно потрепанной в сражениях армии. «Мы, бедные, принуждены были остаться в Пруссии» (с. 45). Так русский подпрапорщик (с. 29) стал прусским младшим вахмистром и был вынужден смириться с участью носить мундир чужой армии, и «мало по малу стал привыкать к прусским обрядам» (с. 45). Очень быстро выучил немецкий язык: «Тут же я несколько начал понимать немецкому диалекту, да к тому ж и склонность мою ко оному языку имел, как говорить, так читать и писать по-немецки, и наконец в скором времени научился читать, писать, также и говорить, чрез то приобрел против моих товарищей больше преимущества» (с. 43).

Быстрое освоение чужого языка, многолетняя служба в прусской армии, знание и понимание «обычаев прусских» позволяет автору интересующих нас записок вжиться в чуждую ему культуру вполне успешно. Прусский образ жизни, обычаи и обыкновения, к которым постепенно привыкает Климов, осваивается, но не присваивается; постоянно осознаются как «чужое», которое «своим» не становится. Что вполне понятно, поскольку пребывание Климова в Пруссии, несмотря на его «привилегированное» положение, – плен, «иго прусское», от которого автор «Похождения» всеми силами стремится избавиться. Жизнь по прусским законам не сделала из Климова пруссака: он – русский и совершенно осознает чуждость всего, что его окружает. Это, по нашему мнению, объясняет своего рода двойной взгляд на обычаи чужой страны и самих иноземцев, который демонстрирует автор «Похождения»: изнутри (прусский вахмистр) и извне (пленный русский) одновременно.

Автобиографические записки созданы Климовым уже после возвращения в Россию спустя почти тридцать девять лет после пленения. В таком контексте зафиксированное «двойное зрение» тем более показательное: временная дистанцированность, ретроспективный рефлексивный взгляд в собственное прошлое усиливают позицию автора мемуаров. Как мы уже указывали в более ранней статье, именно благодаря временной дистанцированности и рефлексии мемуариста события и образы его воспоминаний предстают в автобиографических записках в завершённом, целостном виде, поскольку автор имеет возможность увидеть себя и всё случившееся с ним «со стороны» [Фарафонова, 2013, с. 75–76]. Такое ретроспективное видение отражается в самой структуре «Похождения», автор которого, фиксируя с педантической точностью сведения о бытовых «обыкновениях» и государственных порядках Пруссии, с одной стороны, создаёт подлинно исторический документ, с другой – изображая себя героем «странствия», осмысляет и описывает всё произошедшее именно как достойный литературного пересказа сюжет.

Мемуары Алексея Климова, содержащие сведения абсолютно документального характера (информация о жалованье прусской гвардии, способе формирования армии и поддержания ее численности и т. п.), в большей степени фиксируют моменты, связанные с переживаниями самого мемуариста. Отметим, что подобная двойственность повествования определяется в том числе и присущим автору

ощущением «своего» и «чужого». Климов сосредоточен именно на истории своих бедствий, всё же остальное (документальный план повествования) переживается как «чужое», тщательно фиксируется, но становится лишь фоном, декорацией разворачивающейся перед читателем истории. Не рассказ об окружающих достопримечательностях составляет основу повествования Климова, а собственное жизнеописание, полное испытаний и трагических поворотов судьбы. И хотя в мемуарах Климова упоминаются некоторые реалии (Бранденбургские ворота, Берлинский оперный театр, дворцовый парк Сан-Суси и др.), появление их в тексте «Похождения» мотивировано исключительно поворотами сюжета самой истории «странствия» автора, т. е. не столько увиденным, сколько пережитым. Этим записки Климова отчаются от всех других подобного рода произведений XVIII в.

Е. Д. Кукушкина справедливо отмечает, что, прослужив в прусской армии в общей сложности более тридцати лет, Климов составил собственное представление о прусских нравах и, в частности, «о личности Фридриха II, познакомился с прусскими военными порядками и способами комплектования армии» (с. 208). Отдавая должное прусскому монарху, Климов подробно «объявляет» о «нравах и обрядах» покойного уже к моменту возвращения Климова в Россию и написания им мемуаров правителя: «Он был доброго рассудка, нравоучителен, строг и при том много милостив. Он никогда себя великолепно не убирал, носил он без всяких балетов синий кафтан. Шляпа без позументу с полимажем, сапоги мало когда были мазаны. Трафило в походе, что он, не спрашивая постели, спал с солдатами, приобняв, разостлав епанчу. Мало что заснуть, он иногда с солдатами разговаривал так, будто был им ровный товарищ» (с. 45–46).

Главное, что фиксирует автор «Похождения» как «обыкновение» прусского короля, – это его пристрастие к парадом и смотрам: «У него обыкновенно в году бывают две реви, то есть инспекторские смотры называемые. 1-я фри-реви, то есть после Светлого Христова воскресения, начинается от 23 мая, продолжается августа до 2-го. Вторая называется ерпет-реви, то есть осенняя, начинается от 23 сентября. На последней король не на всех бывает, но генерал осматривает. Первый смотр его в Потсдаме, другой в Берлине, третий в Бранденбурге, четвертый в Померании в Шталгарде, пятый в Штецине, шестой в Пруссии в Грануденце, седьмой и последний в Шлезии в Бреславле и тут кончится. И так Его Величество, сам ездя от города до города, осматривает солдат, а по смотре своих прусских отпускает впредь до реви по домам, а иностранные же остаются в своих полках для содержания караула» (с. 47–48); «под Потсдамом была на пригорке малая роща, <...> а под горою был ровный прекрасный луг, где обыкновенно Е<го> В<еличество> обучал свою пешую гвардию» (с. 63); «случилось одного воскресения быть по приказу королевскому церковной параде, при которой король хотел смотреть все полки. А обыкновенно такая парада всегда собирается в Берлине близ дворца, в лежащем там называемом Лест-гарте, то есть в веселом саду» (с. 67) и т. п.

Климов, описывая парады Фридриха II, делает акцент не на зрелищности этих мероприятий (об этом в записках прапорщика нет ни слова), а на их практической значимости. Несколько раз в тексте «Похождения» отмечается, что король, «сам ездя от города до города, осматривает солдат». Парад, таким образом, не являлся исключительно зрелищем, более того, словно подчеркивая, что парад – не развлечение, а весьма серьезное мероприятие, Фридрих, по замечанию другого мемуариста XVIII в. – Е. Р. Дашковой, «во время смотров <...> никогда не принимал дам» [1987, с. 140]. Парады и смотры для Фридриха были, таким образом, чем-то вроде почти монашеского служения, армия воспринималась как семья, солдатское братство, где сам король – неотъемлемая, главная, но не основная его часть.

Пристрастие Фридриха II к парадом становится для Алексея Климова в буквальном смысле спасением, поскольку он не мог бы более нигде так близко «по-

добраться» к королю, чтобы, описать ему свои злоключения и положиться на милость и справедливый суд монарха. Будучи приговоренным за драку со старшим вахмистром сначала к «штрафу <...> беганьем розг сквозь 200 человек 12 раз», а после того, как вахмистр скончался, к «аркибузирванию» «яко смертоубийца», Климов впал в отчаянье и приготовился было к смерти, но в ночь перед предстоящей казнью «с божьей помощью вылез из окошка» (с. 61–62) и бежал из-под караула: «Но великое милосердие Божие, что судьба во определение Всевышнего наградила мне претерпленный мною страх, который после превращен был в мою наиособливую радость» (с. 60). Желая убежать как можно дальше от места, где его приговорили к смерти («Оное было в Томгарте, или во зверинце, в Берлине, за Бранденбургскими воротами» (с. 60)), Климов «пустился туда, куда Богу будет угодно, в том рассуждении, что, может быть, выйду в Саксонию» (с. 62–63). «Но в том <...> обманулся, ибо как <...> ни бежал, не ведая дороги, то напоследок, при рассвете дня, увидел <...> город Потсдам» (с. 63), где как раз в то время король Фридрих проводил очередной парад и смотр войск. «В 9-м часу выходит гвардия на сей парадный плац, и при ней генерал граф Ангальт <...> Вскорости потом и Его Величество прибыл и по обыкновенному его обычаю заехал с правого фланга, ровняя шеренги. Я тут, невзирая ни на что, положась совсем на Бога, вышел <...> и, пришед близко его, упал на колени. Он, видя меня, скованного и в одном камзоле, весьма удивился» (с. 64).

Интересно, что, выяснив обстоятельства, по которым Климов находится в столь незавидном положении, и поручив «гвардии-аудитору» разобраться и доложить, Фридрих словно бы совершенно забывает об этом деле и о самом авторе мемуаров, который по этой причине «сидел под караулом с октября месяца по 769 год месяца генваря по 8 число» (с. 66). Вспомнить об арестанте, ожидающем решения своей участи, королю помогает опять-таки ситуация парада, когда, увидев, проходившую мимо него роту, в которой служил Климов, Фридрих, как пишет автор «Похождения», «вспомнил обо мне, <...> закричал он: “Ганц парада, галт”, то есть вся парада стой. <...> Он призвал моего капитана сказал ему так: “граф Шливен, я имею арестанта твоей роты, где он теперь есть?”» (с. 68).

Вполне традиционный для русской литературы XVIII в. сюжет «суд правителя» [Печерская, Никанорова, 2010, с. 92–94] разворачивается в мемуарном тексте А. Я. Климова, что называется, «изнутри», когда на первый план в соответствии с законом жанра выходит не сам суд, доказывающий мудрость и милость монарха, а переживание этого суда приговоренным: «Вообразите, какой страх тогда овладел мною, когда унтер-офицер, пришед, сказал мне, чтоб я скорее убирался, ибо король требует меня. Тут затряслись все мои жилы, я не мог совладать сам с собою. Профот меня расковал, а я не доволен чтоб мог сам убираться, но от великого страха и руками владать не мог, где принужден тот самый унтер-офицер меня убирать. Хоша он меня и уговаривал и представлял мне, что в воскресенье никаких экзекуц не бывает. “Ты совершенно получишь от короля пардона”, – говорил он. Но я всему тому не верил, ибо непреодолимый страх принуждал меня к тому невероятию. Мы шли до означенного места, а я все осматривался то в ту, то в другую сторону, нет ли которых с ружьями, которые меня расстрелять имеют. <...> Но как я увидел стоящую парадую, тут страх мой ещё более умножился, ибо я думал, что в наказание другим велит меня король перед сею парадую расстрелять» (с. 69).

Вопреки ожиданию Климова приговор Фридриха был действительно мягким: «Так король приказал выступить адъютанту и дать мне 15 фухтелей <...> “По штрафе, – сказал он, – арестант освобождается”. И таким образом моему несчастью сделался конец» (с. 71). Е. Д. Кукушкина в комментарии к изданию «Похождения прапорщика Климова» указывает, что вынесенное автору мемуаров наказание «в прусской армии применялось главным образом к кавалерии и явля-

лось дисциплинарным, то есть не входило в число наказаний, назначаемых по суду. Такое наказание по тогдашним понятиям не было жестоким» (с. 233–234).

Парады зафиксированы в «Похождении» именно как «обыкновение», неотъемлемая и вполне привычная часть жизни короля и его подданных, чем ещё более подчеркивается трагичность и исключительность разворачивающейся в этих декорациях ситуации, в которой оказался сам Климов, совершив непреднамеренное убийство и готовясь «к штрафе». Подробнейшее описание собственных переживаний на фоне замершего в ожидании решения короля парада и множества любопытствующих опять-таки обозначает оппозицию «свое – чужое», но на качественно ином, «внутреннем», психологическом уровне.

Учитывая то, что мемуары были написаны уже по возвращении Климова на родину после более чем тридцатилетнего пребывания «под игом прусским», следует также отметить, что он рефлексирует, обобщает и литературно оформляет пережитое в полном соответствии с общей установкой мемуаристики XVIII в., делая собственное жизнеописание «примером» для современников и потомков. Существенным отличием, выделяющим «Похождение прапорщика Климова» из целого ряда мемуарных произведений XVIII в., авторы которых тоже описывают иные земли и нравы («Записок» Е. Р. Дашковой, например), является то, что в этом тексте отражен не взгляд туриста, добровольно путешествующего, но взгляд человека вынужденного жить по тем обычаям, которые он описывает, человека, для которого чужие обычаи по необходимости стали «обыкновением», но который, тем не менее, не перестает воспринимать их как чужие.

Список литературы

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 495 с.

Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 162 с.

Похождение прапорщика Климова: Мемуары XVIII века / Подгот. текста, ст. и коммент. Е. Д. Кукушкиной. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2011. 264 с.

Фарафонова О. А. Образ Рима в дневниках русских путешественников конца XVIII – XVIII в. // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: Сб. науч. работ / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2013. С. 47–77.

О. А. Farafonova

«One's own» and «another's» in «The adventure of ensign Klimov»: the memoirist's dual view

The paper examines the text of A. Ya. Klimov's memoirs in terms of the role of the opposition «own-alien» in the organization of its narrative structure. Particular attention is paid to the specifics of the genre of the text and to the author's «dual» position conditioned by the poetics of the genre. The Autobiographical Notes created by Klimov, fix the memoirist's «double vision»: temporal distancing, reflective retrospective look into his own past reinforce the position of the author of the memoirs. The peculiarity of the narration in «The adventure of ensign Klimov» is analyzed in the context of the Russian memoirs tradition of the XVIII century. A significant difference distinguishing «The adventure of ensign Klimov» from a great variety of autobiographic works of the XVIII century, whose authors also describe other lands and customs, lies in the fact that this text does not reflect an opinion of a voluntarily traveling wayfarer, but a view of a man forced to live by the customs which he describes, a man for whom foreign customs have of necessity become «ordinary», but who, nevertheless, does not cease to perceive them as alien.

Keywords: memoir, author, narrative, biography.